

С. Н. Корсаков

В. Ф. АСМУС: КОРРЕКТИВЫ К ОБРАЗУ

Москва
2017

УДК 1(470)(091)

ББК 87.3(2)6

К69

Сведения об авторе:

Корсаков Сергей Николаевич, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель группы истории философии советского и постсоветского периода Института философии РАН

Корсаков С. Н.

К69 **В. Ф. Асмус: коррективы к образу.** – М.: «СФК-офис», 2017. – 32 с.

ISBN 978-5-91504-053-2

В брошюре рассматривается несколько кейс-стади, связанных с жизнью и творческой деятельностью известного советского философа В. Ф. Асмуса. Проверяется степень обоснованности представления об особом нравственном статусе, который имел В. Ф. Асмус в истории философии в СССР. В качестве источников привлечены: воспоминания В. Ф. Асмуса о его детских годах, первая статья В. Ф. Асмуса, опубликованная в 1919 году и его работы второй половины 1920-х годов, когда он был сторонником философской школы А. М. Деборина, выступление В. Ф. Асмуса на заседании, посвящённом философским взглядам А. Ф. Лосева в Институте философии в 1930 году, выступление В. Ф. Асмуса на заседании в редакции журнала «Знамя» в 1936 г., где обсуждались итоги Первого Московского процесса.

УДК 1(470)(091)

ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-91504-053-2

© С. Н. Корсаков, текст, 2017

© «СФК-офис», оформление, 2017

Предисловие

В общественной жизни бывают случаи, когда по прошествии некоторого времени после смерти человека, он вдруг приобретает символическое значение, становится объединяющим людей фактором. Происходит это обычно тогда, когда прежние кумиры рухнули, и нужно их заместить кем-то, чтобы не потерять ориентацию совсем. Вот тут какая-нибудь личность и «вырастает» из прошлого. При этом нового знания о ней самой не прибавилось, но выдвигая её на первый план, люди надеются решить свои сегодняшние духовно-ценностные проблемы. Яркий пример – чествование Г.К. Жукова в год 50-летия Победы в 1995 г.: конная статуя у Кремля, орден Жукова, художественный фильм о нём, составленный из фрагментов озеровской эпопеи. В условиях полного ценностного хаоса возникла потребность хотя бы в каком-то устойчивом идеале.

Бывают подобные ситуации и в философской жизни. В.Ф. Асмус и при жизни, и после смерти был уважаемой фигурой в нашей и мировой философии. Но он не имел статуса классика, личности, имевшей некое исключительное значение для философской жизни страны. Ситуация изменилась на рубеже 1980-х – 1990-х гг. В это время рушились многие ценностные опоры. В этих условиях фигура В.Ф. Асмуса и была выдвинута в качестве безусловного образца. Начало этому положила статья Н.В. Мотрошиловой, где В.Ф. Асмус был назван Профессором с большой буквы и были сформулированы основные положения нового понимания места В.Ф. Асмуса в истории нашей философии. После этого был проведён «круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвящённый В.Ф. Асмусу, появился ряд статей и воспоминаний, в которых развивалось это новое понимание роли и значения В.Ф. Асмуса, два сборника, ему посвящённых. Наконец, на философском факультете МГУ в его честь была установлена мемориальная доска. Почеть небывалая, а для советского философа – беспрецедентная.

Новый статус фигуры В.Ф. Асмуса имеет две опоры. Первая – оценка его как специалиста, профессионала. В данном случае, это необходимое, но недостаточное условие. Никто не сомневается в высочайшем профессионализме В.Ф. Асмуса. Его книги были и будут введением в освоение многих философских тем. В то же время, про-

фессионализм этот не представляет собой чего-то исключительного. Были специалисты такого уровня и среди сверстников В. Ф. Асмуса (Б. Э. Быховский, М. А. Дынник) и среди его младших коллег (А. С. Богомолов, И. С. Нарский). Особое почитание В. Ф. Асмуса, выделение его даже из первого ряда философов, имеет наряду с профессиональной, также и, прежде всего, нравственную опору: он рассматривается как некий нравственный образец, как человек, который пронёс через всю жизнь честь учёного, и на примере которого надо готовить будущие поколения философов. Именно сочетание этих двух оснований, профессионального и нравственного, при решающей роли последнего, и определяет существующий образ В. Ф. Асмуса. Сам же этот образ фундирует систему ценностных координат нашего философского сообщества, он – одна из скрепляющих его консенсусных позиций.

Основное содержание этого образа наиболее чётко было выражено Н. В. Мотрошиловой, и в дальнейшем практически без изменений воспроизводилось всеми, кто писал о В. Ф. Асмусе. Утверждается, что он среди тех, кто «в самые тяжёлые времена, и, претерпев все преследования, все испытания, не поступились ни честью, ни философской истиной» [Валентин Фердинандович Асмус, 2010, с. 61], что «он не раз, наверное, был на волосок от гибели или тюрьмы, но за жизнь и возможность трудится не где-нибудь, а в философии, не платил ни конъюнктурным приспособлением к “голым королям” всех рангов, ни человеческим достоинством» [там же, с. 62–63], потому, что был наделён «необоримой силой духа российских интеллигентов» [там же, с. 63]. В. Ф. Асмус «элементарными, а, в сущности, высокими золотыми правилами человеческой и научной нравственности имел мужество руководствоваться тогда, когда правила превратились в исключения и когда следование им стало делом просто опасным» [там же, с. 63]. Наконец, следует вывод, что «когда правила становятся исключениями, а на место ценностей взгромождаются антиценности, когда сцена жизни переполняется антиперсонажами – особенно важны люди, которые решительно берут на себя и последовательно исполняют роль хранителей правил, простых, ясных, для них незбылемых; В. Ф. Асмус был одним из таких людей» [там же, с. 63]. Многочисленные статьи на ту же тему других авторов настолько же уступают статье Н. В. Мотрошиловой в содержательности, насколько превосходят её в пафосе оценок.

Может быть, и не стоило бы возражать против высказываемых на протяжении уже более четверти века в унисон оценок, авторами которых являются наши ведущие философы, если бы не призывы Н. В. Мотрошиловой, с которого она начала свою статью о В. Ф. Асмуса: «Объективная, честная, нелицеприятная, словом – отвечающая требованиям времени история отечественной философии советского периода до сих пор пока не написана. А она очень нужна. Создание её – одно из самых важных, но, пожалуй, и наиболее трудных наших дел. Уж очень много предстоит снять наслоений» [там же, с. 61].

Руководствуясь этим призывом, мы и решили предложить вниманию читателя настоящую работу. В ней пойдёт речь о том, что существующее представление о какой-то особой нравственной роли В. Ф. Асмуса в истории нашей философии является легендой. При этом, понятно, всякая легенда имеет свои основания. В данном случае – это общение преподавателя В. Ф. Асмуса со студентами, которые спустя годы вспоминают о нём. Все как один сходятся в том, что его отличало «желание максимально помочь молодому коллеге, наделяя его толикой своих громадных знаний; его слушатель быстро убеждался в огромной доброте и безупречной интеллигентности Валентина Фердинандовича» [там же, с. 18]. Вот это общение со знающим и доброжелательным преподавателем становится точкой отсчёта для обобщений. Так за последние четверть века сформировалась легенда, причём – из благих побуждений: хотелось ведь найти в истории нашей философии какой-то идеал для почитания.

Изучение источников приводит нас к совершенно иной трактовке поведения В. Ф. Асмуса, чем общепринятая. Мы, однако, не имеем в виду выстраивать какую-то целостную картину, чтобы избежать домыслов, даже в минимальной степени. Но специалисты должны располагать подлинными фактами. Долг исследователя – предъявить их. Поэтому мы ограничимся комментированием отдельных литературных и архивных источников с тем, чтобы внести коррективы в существующий образ В. Ф. Асмуса.

«Жизнь по заводскому гудку»

Мы начнём с такого источника, как воспоминания В. Ф. Асмуса. Странно, что они до сих пор не привлекали внимания исследователей, хотя со времени их первой публикации прошло более пятнадца-

ти лет. Есть только эмоциональный отклик Н. В. Мотрошиловой [там же, с. 66]. Между тем, воспоминания эти, конечно, дают интересный материал о личности и жизненном пути В. Ф. Асмуса.

Детские годы В. Ф. Асмус провёл в Донбассе в посёлке Константиновка, выросшем вокруг стекольных и химических заводов, выстроенных здесь Бельгийским акционерным обществом. Наведывался он сюда и позже, когда жил в Киеве, где учился в реальном училище, чтобы стать инженером, как хотел его отец. Мир посёлка в классовом отношении совершенно чётко делился на три части.

Первая – хозяйева, новоявленные Лопахины, занявшие бывшую помещичью усадьбу – «экономию» с большим директорским домом, парком и садом, с многочисленными подсобными «службами». «Сюда попадали только по особому приглашению директора или его жены» [там же, с. 241].

Второй мир – служащие администрации заводов, по-современному говоря, менеджеры, но ещё лучше их обозначить русским словом – приказчики. К этой среде принадлежал и отец В. Ф. Асмуса. К этой категории относились также «Раневские», осколки помещичьих родов, закрепившиеся в своём новом качестве приживал.

Служащие акционерного общества жили от директорского дома «на почтительном расстоянии от него и даже до поворота к нему, в маленьких домиках» [там же, с. 241]. Это было жильё, бесплатно предоставляемое дирекцией своим приказчикам. Бесплатно семьи служащих получали от администрации также хлеб, а уголь бесплатно привозили с завода. Жилища служащих образовывали целую наново проложенную улицу, «состоявшую сплошь из совершенно одинаковых домов, отделённых друг от друга одним и тем же расстоянием» [там же, с. 232]. Предусмотрен был и другой вариант жилья для этой социальной категории: «корпус на десять двухэтажных квартир» [там же, с. 239]. Семья В. Ф. Асмуса жила сначала в каменном домике на две квартиры, затем занимала одну из двухэтажных квартир, в которой было две больших комнаты на первом этаже и четыре поменьше на втором. Позади каждой квартиры имелся двор с огородом и сад.

Отец В. Ф. Асмуса утром по заводскому гудку отправлялся на службу в контору завода, также по гудку приходил домой обедать. Мать вместе с детьми «почти каждый день» [там же, с. 244] ходила

с плетёными сумками на базар за покупками. Несмотря на это баланс семейного бюджета каждый месяц сходился. В доме имелось фортепиано, на котором играл отец. Он же устраивал для детей рождественские ёлки с чудесными украшениями и подарками.

Третий мир Константиновки – рабочие. Поистине, своего рода «параллельный мир». Когда Асмусы жили в отдельном доме, параллельно улице, где стоял их дом, «тянулась громадная, обнесённая тёмным забором, территория бутылочного завода; в летние дни в тени длинного-предлинного забора там и сям сидели группами подростки-рабочие, приходившие сюда поговорить или поиграть в карты» [там же, с. 233]. Когда семья переехала в двухэтажный корпус, «параллельно нашему дому поодаль по обеим сторонам дороги стояли такие же размерами как наш, четыре корпуса, в них жила часть рабочих стекольного завода. При их домах не было (не полагалось!) никаких дворов, никаких палисадников, никаких маслин, никаких служб, кроме мусорных ям, в которых изредка промышляли свиньи» [там же, с. 239].

Как жили рабочие, об этом В. Ф. Асмус не мог рассказать в воспоминаниях: не знал. Надо полагать, что в «параллельном мире» были не только подростки-рабочие, но и ребята, подходившие нашему герою по возрасту. Но В. Ф. Асмус не был ни Томом Соьером, ни Вишенкой из сказочной повести Джанни Родари – сама мысль перейти дорогу, чтобы общаться и играть с детьми рабочих у него не возникала.

Мы можем восполнить этот пробел. Существуют, конечно, исследования положения рабочего класса в начале XX века в Донбассе, да и в той же Константиновке. Но мы поступим по-другому – привлечём ещё один широко известный мемуарный источник. Это последние воспоминания Л. И. Брежнева, опубликованные при его жизни. Их издали массовым тиражом, зачитывали по Центральному телевидению. Они называются «Жизнь по заводскому гудку».

Хотелось бы сразу отметить «соображения» о несерьёзности этого литературного источника. Те, кто иронизировал по поводу авторства мемуаров Л. И. Брежнева, молчали, когда кое-кто из его преемников, с трудом соединявший слова в предложения, выпускал одну за другой мемуарные книги по 300–400 страниц каждая. Кроме того, те, кто раздувал слухи вокруг мемуаров Л. И. Брежнева, не представляли

себе, как готовились документы такого политического и идейно-воспитательного значения. Во-первых, целая группа подбирала факты, так что с точки зрения фактографической точности это тексты образцовые. Но помимо фактов в мемуарах рассыпаны оценки, и политические, и личные. Они могли исходить только от автора и ни от кого больше. Появлялись такие оценки в ходе надиктовок, которые автор делал своему помощнику. Помощник затем собирал группу спичрайтеров, которая формировала текст, утверждавшийся автором.

Отец Л. И. Брежнева переехал в Донбасс в том же 1900 году, что и отец В. Ф. Асмуса. Он поселился в таком же рабочем посёлке при заводе, принадлежавшем бельгийскому, польскому и французскому капиталу. Капиталистические отношения развернулись на Юге России, этой новой социально-природной площадке, в предельно обнажённой форме. «Наша семья жила в рабочей слободке, которая называлась “Нижняя колония”, – вспоминал Л. И. Брежнев... – Забота о духовных потребностях жителей исчерпывалась тем, что в посёлке Каменском были две православные церкви, католический костёл, лютеранская кирха и еврейская синагога. Прочие “очаги культуры” начинались прямо у заводской проходной: трактир Стригулина, трактир Смирнова и ещё бессчётное количество трактиров, казённых винных лавок. А к юго-западу от посёлка, в “Верхней колонии”, был совсем иной мир: стояли двухэтажные просторные, благоустроенные дома администрации завода. Даже дым, извергавшийся из многочисленных труб – высоких и низких, круглых и восьмигранных, – отворачивал от них в сторону, тянулся почти всегда к рабочей слободе. Потом-то я понял, что тут учтена была роза ветров Приднепровья. По этой причине дымным было небо моего детства, слой копоти покрывал наши дома. Рабочим на территорию “Верхней колонии” вход был строго-настрого воспрещён. Там светился по вечерам электрический свет, туда подкатывали пролётки на дутых шинах, из них выходили важные дамы и господа. Это была как бы другая порода людей – сытая, холёная, высокомерная. Инженер, в форменной фуражке, в пальто с бархатным воротником, никогда не подал бы руки рабочему, а тот, подходя к инженеру или мастеру, обязан был снимать шапку. Мы, дети рабочих, лишь издали, из-за решётки городского сада, могли смотреть на фланирующую под духовой оркестр “чистую публику”» [Брежнев, 1983, с. 10–11]. Дети рабочих

были важным объектом эксплуатации для хозяев донбасских заводов, как иностранцев, так и русских. Ведь детей и подростков можно было годами держать в учениках и не платить зарплаты деньгами. Приказчики и мастера за малейшее непослушание наказывали ребят [Мартыненко, 1985, с. 7–8]. А нужда гнала этих ребят с самого юного возраста на завод. «Я, как и другие сыновья рабочих, знал, что вслед за отцом приду в цех, к живому огню. Об иной доле в посёлке не помышляли», – рассказывал Л. И. Брежнев [Брежнев, 1983, с. 8].

Посёлок при заводе в Донбассе – идеальная среда для осознания социальных отношений, настолько контрастно и концентрировано даны классовые противоречия. Особенно удобно познавать их со средней социальной позиции – служащих администрации: есть и образование, и досуг и близость к заводу. Такие ценности, как стыд за своё более или менее привилегированное положение, долг перед народом, сочувствие угнетённым, стремление изменить общественные отношения приходят к юному интеллигенту почти естественно. Это путь тысяч русских интеллигентов сменявших друг друга поколений: декабристов, народников, марксистов. Путь, хорошо типизированный В. Г. Короленко в «Истории моего современника»: «Социальная несправедливость была фактом, бьющим в глаза. От неё наиболее страдают те, кто наиболее тяжело трудится. И все, без различия направлений, признают, что в этих же массах зреет, или уже созрело, какое-то слово, которое разрешает все сомнения. Вот что тогда было широко разлито в сознании всего русского общества и из чего наше поколение сделало только наиболее последовательные и наиболее честные выводы» [Короленко, 1976, с. 387]. Так появлялись не только революционеры, но среда интеллигенции, им сочувствовавшая, объединённая общей системой нравственных ценностей.

Как же социальные антагонизмы начала XX века отразились в сознании В. Ф. Асмуса? В его воспоминаниях почти нет их следов. Можно привести только два фрагмента из текста.

Первый – это «бельгийский погром». Бельгийская администрация заводов для выполнения квалифицированных работ предпочитала выписывать рабочих из Бельгии, а неквалифицированных рабочих нанимала на месте. Произошёл классический случай национального оформления классового антагонизма: погром толпой из местных тех домов, где жила бельгийская «рабочая аристократия». А они нахо-

дились там же, где и дом Асмусов, среди домов служащих администрации. Семья Асмусов срочно покинула свой дом, хотя, как оказалось потом, на него никто так и не покусился. В воспоминаниях В. Ф. Асмус описывает эту ситуацию совершенно в тех же выражениях, которые он, видимо, слышал от родителей в самый день погрома: «Разница в оплате и жилищных условиях была немалая, и это обстоятельство порождало некоторую неприязнь между местными рабочими и бельгийцами. Какие-то тёмные силы разожгли эту неприязнь в настоящую вражду» [Валентин Фердинандович Асмус, 2010, с. 236–237]. У южнорусских рабочих была не «некоторая неприязнь», а ненависть, для формирования которой не нужно было действий никаких тёмных сил. Наоборот, если бы тут были «тёмные силы» в лице революционеров, они бы предотвратили погром, объяснили бы политически невоспитанной части рабочих, что такое классовая солидарность. Хоть В. Ф. Асмусу и пришлось во время погрома переночевать в поле, большого впечатления на него этот случай не произвёл. Лёжа в поле, он размышлял о кажущемся суточном вращении звёзд вокруг Земли. Он мог бы осмыслить ситуацию хотя бы потом, когда писал воспоминания. Зачем вообще приказчику Ф. Г. В. Асмусу бежать с семьёй в момент бельгийского погрома? Из опасения, что погромщики примут немца Асмуса за бельгийца? Как бы погромщики ни перепились, они прекрасно знали, кто где из администрации живёт. Значит, дело было вовсе не в бельгийцах, а в ненависти ко всем, кто жил в чистеньких домиках на этой стороне улицы.

Второй фрагмент. С наступлением темноты В. Ф. Асмус разглядывал из окна завод напротив: «По вечерам завод был очень живописен. Под огромной аркой главного цеха, где выдувались бутылки, всё время передвигались, то поднимаясь, то опускаясь, огоньки, со стороны цеха доносился шум, и даже долетали – при попутном ветре – крики и возгласы работавших там людей. Вокруг корпуса завода была тьма, дорога к заводу была скудно освещена редкими дуговыми фонарями. Весь этот мир заводской жизни, протекавшей так близко от меня, казался мне ночью, когда я выглядывал через открытое в сторону завода окошко, непонятным, таинственным и даже жутковатым. Утром испытанное впечатление улетучивалось» [там же, с. 242]. Юного В. Ф. Асмуса завораживают таинственные огоньки в здании завода, которые кто-то ночью зажигает, передвигает и при

этом кричит. Он воспринимает завод эстетически. Чтобы воспринимать ночную смену на заводе или рабочий дом эстетически, нужен социально-нравственный дальтонизм.

В. Ф. Асмус не осознавал, что его семья живёт за счёт рабочих, и, соответственно, он в долгу перед ними. Жизнь в обстановке классовых антагонизмов должна была бы сформировать из юного человека типичного русского интеллигента в указанном выше смысле этого слова. Но ничего этого не произошло. Вот что удивительно. Почему так получилось? Видимо, вследствие некоторых личностных качеств В. Ф. Асмуса. У него с детства не было особой потребности в общении с людьми [там же, с. 233], он был молчалив и скрытен [там же, с. 236], у него «не возникало потребности поделиться своими впечатлениями: восприятие сказки очерчивало круг, отделявший от окружавшего меня мира, и из пределов этого круга не было желания или потребности выйти» [там же, с. 250]. В результате сформировался русский интеллигент в ином смысле этого слова, персонаж, будто сошедший со страниц «Вех», типаж которого ещё только моделировался авторами сборника.

«Скорбное учение» «меньшевиствующего идеализма»

Нужно сказать большое спасибо Т. Д. Суходуб, нашедшей первую опубликованную статью В. Ф. Асмуса, и М. Н. Грому и Н. А. Куценко, перепечатавших эту статью со своим комментарием. В 1919 г. в Киев вошла денкинская армия. Со страниц газеты «Жизнь» её приветствовала группа интеллигентов. Среди них был В. Ф. Асмус, напечатавшей в этой газете статью с осуждением «скорбного учения» марксизма. Конечно, этот факт важен для биографии В. Ф. Асмуса.

Не со всеми оценками, данными в комментарии коллег можно согласиться. Во-первых, с высокой оценкой самого текста как глубокого и философски содержательного. Напомним, что это первая проба пера старшекурсника. Статья изобилует идеологическими штампами: здесь и бесплодие экономического материализма, и его неспособность понять «роскошное цветение» культуры, и иррациональная природа творчества, и отождествление механицизма с материализ-

мом, и осуждение «нетерпения» революционеров. В охранительной публицистике эти сюжеты неоднократно повторялись. Явственно чувствуется влияние идей Бердяева о свободе и о творчестве. В. Ф. Асмус указывал в своих воспоминаниях, что в 1914–1916 гг. читал выходявшие книги Бердяева. Видимо, среди них были «Философия свободы» и «Смысл творчества» [там же, с. 322]. Марксизм объявляется нетворческим и пассивным, попутно же достаётся Гегелю, в соединении с Марксом дающему «чахлые, ужасающе бескровные, лишённые творческого семени плоды» [там же, с. 359]. Странная инвектива против Гегеля на страницах антимарксистского памфлета становится понятной, если вспомнить принципиальное для Бердяева отождествление отчуждения с опредмечиванием, при котором всякое овещнение рассматривается как смерть творчества. Гегель ведь, напротив, в качестве подлинно творческого деяния рассматривал лишь предметно выраженное и воплощённое. Наш автор, когда пытается вслед за Бердяевым как-то содержательно определить воспеваемую им духовность, принужден поэтому ограничиться такими характеристиками, как: «непредвиденное, непостижимое», «новое, нечаянно обретенное в порыве творческого акта», имеющее «внутренний сокровенный смысл», и рассуждать о том, что «грядёт и будет великое рождение и самораскрытие духа» [там же, с. 355, 360, 357]. На фоне подобных словесных узоров содержательным в статье можно признать последовательное отрицание идеалов Просвещения, по отношению к которым марксизм есть частный случай, а то и – наиболее последовательное их выражение, а также – неприятие автором практики советских культпросвет-учреждений.

«Разящего», «беспощадного разоблачения» [там же, с. 351] марксизма в статье В. Ф. Асмуса нет, просто потому, что автор не знаком с предметом. Осуждение «экономического материализма» никак не затрагивает философии марксизма. В своих воспоминаниях В. Ф. Асмус прямо писал, что марксизм в университете не преподавался и не изучался: «Поразительно было в университетском преподавании философии того времени полное умолчание о философии марксизма. С ним даже не полемизировали. Его просто “не замечали”, замалчивали. Ни в одной лекции Гилярова, Зеньковского, а позже – Спекторского, Якубаниса мы ни разу не слышали даже имён самых выдающихся философ-марксистов – ни Маркса, ни Энгельса, ни Плеханова, ни Ленина,

не говоря уже о Лафарге, Каутском и прочих поменьше рангом. Для самых учёных, самых образованных профессоров историко-филологического факультета марксистских философов как будто и вовсе не существовало. Даже в курсах русской истории было иначе. У профессора М.В. Довнар-Запольского, доцента П.П. Смирнова можно было обнаружить некоторое влияние исторических идей Маркса и Энгельса или, по крайней мере, исторических идей русского “легального” марксизма – идей П.Б. Струве, Туган-Барановского и других, – но только не философских учений марксизма. Последний понимался и учитывался только как политическое, публицистическое учение и как политико-экономическая теория» [там же, с. 322-323]. Остаётся самообразование, но всё, что мы знаем о круге научных интересов молодого В.Ф. Асмуса, исключает сколько-нибудь заметное внимание к марксистской философии. Что же тогда отражает эта статья В.Ф. Асмуса? Представление о марксизме той среды, в которой он вращался в период её написания, разделяя, конечно, тогда эти представления. Меняется время, меняется среда, меняются и представления.

Второе, в чём нельзя согласиться с авторами комментария к статье В.Ф. Асмуса, что наконец-то обнаружены «тщательно скрывавшиеся» его истинные убеждения, которые он пронёс через всю жизнь, а именно, «веру в совсем иные ценности и идеалы, не совместимые с коммунистической идеологией» [там же, с. 348]. Подобные ретроспективные умозаключения ненадёжны. Представим себе философа, у которого есть работы 1) первой половины 1980-х гг., 2) второй половины 1980-х гг., 3) 1990-х гг. Предположим историка философии, который говорит: работы 1990-х гг. написаны вынуждено, а автор в это время мыслил также, как в первой половине 1980-х. Оценка явно будет неадекватной. Во второй половине 1920-х гг. В.Ф. Асмус принадлежал к дебординцам, т.е. к лево-коммунистической по своим позициям школе гегельянского неомарксизма. Надо предположить в В.Ф. Асмусе какое-то изощрённое двуличие и лицемерие, потребное разве Штирлицу, если считать, что в период работы с дебординцами он думал так же, как в статье 1919 г.

Эволюция его воззрений была сложной. О том, что она вообще была, свидетельствует факт, зафиксированный многими мемуаристами. Когда в начале 1930-х гг. Е.П. Ситковский сказал В.Ф. Асмусу, что хочет ему помочь и поэтому будет прорабатывать его не как

меньшевистствующего идеалиста, а как буржуазного идеалиста, В. Ф. Асмус искренне обиделся и ответил, что если уж его называют идеалистом, он предпочитает быть своим, меньшевистствующим, чем чужим, буржуазным. И хотя Е. П. Ситковский был прав, потому что меньшевистствующих идеалистов расстреливали, а буржуазных держали как «спецов», В. Ф. Асмус, как говорят свидетели, сохранил эту обиду на всю жизнь [там же, с. 14]. Стало быть, он в какой-то и довольно немалой степени идентифицировал себя и свои философские взгляды с деборинской школой.

При чтении воспоминаний о В. Ф. Асмусе, написанных многими нашими ведущими философами, поражает, что все авторы считают своим долгом вспомнить, что В. Ф. Асмуса преследовали как меньшевистствующего идеалиста, но при этом ни один не написал, что В. Ф. Асмус был активным и верным сторонником деборинской школы. Непонятно, чего здесь больше: невежества в отношении истории советской философии 1920-х гг., или же лукавства, боязни тем самым «бросить тень» на В. Ф. Асмуса. Коли так, наши философские лидеры невольно солидаризируются с М. Б. Митиным, который тоже считал предосудительным «меньшевистствующий идеализм» В. Ф. Асмуса.

Взаимоотношения В. Ф. Асмуса с деборинской школой требуют специального изучения. Предварительно можно констатировать, что в философском мировоззрении деборинцев В. Ф. Асмус нашёл близкие для себя мотивы. Может быть, это покажется странным, но есть линии идейной преемственности даже между воззрениями, выраженными в статье 1919 года и марксистскими текстами В. Ф. Асмуса второй половины 1920-х гг.

Своим появлением в Москве и возможностью заниматься здесь философией В. Ф. Асмус обязан А. М. Деборину. А. М. Деборин был озабочен историко-философским обоснованием метода материалистической диалектики и стремился сам и через своих учеников находить диалектические идеи у философов Нового времени и немецких классических философов. И вдруг он видит книгу В. Ф. Асмуса, вышедшую в 1924 г., подзаголовок которой гласит: «Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина». Большого совпадения с замыслом А. М. Деборина нельзя и желать. Налицо готовый сторонник, которого, к тому же, не надо обучать. Он – самостоятельный специалист, готовый к работе. Косвенно

о том, как А. М. Дебориним была воспринята первая книга В. Ф. Асмуса, можно судить по рецензии в журнале «Летописи марксизма». Правилom этого журнала было не ставить фамилии авторов под рецензиями. Но издавался журнал Институтом Маркса и Энгельса, где А. М. Деборин был заместителем директора и заведовал отделом философии. В рецензии отмечены те черты диалектики у Канта и Фихте из книги В. Ф. Асмуса, которые сам А. М. Деборин выделял в своих работах по немецкой классической философии. О Гегеле и Марксе и их диалектике сказано, что в книге В. Ф. Асмуса они «представлены в невульгаризированном виде», и подчеркнута то обстоятельство, что автор книги «сосредоточил своё внимание на внутренней эволюции диалектических систем» [Асмус, 1926, с. 99]. А. М. Деборин был очень рад и, как свидетельствует его вдова Ирена Иезекиилевна, сохранил высокое мнение о В. Ф. Асмусе до конца своей жизни. Когда в январе 1927 г. А. М. Деборин внёс в Президиум Коммунистической академии проект создания Философской секции, В. Ф. Асмус был назван среди действительных членов секции, хотя на тот момент ещё жил в Киеве [АРАН, Ф. 355. Оп. 1а. Д. 1].

Но чтобы осуществить переезд, во все времена требовались усилия: нужно было решить бытовые вопросы, получить свободные ставки, а для этого нужно было убедить тех, от кого это зависело, что данный человек нужен в Москве. Чтобы войти полноправным членом в школу деборинцев, необходимо было принять боевое крещение, показать себя на деле, выступить в печати по наиболее актуальным вопросам. Для деборинцев в 1926 г. на повестке дня была борьба с механистами, а наиболее актуальной проблемой стала серьёзная попытка механиста А. И. Варьяша выстроить всю историю философии Нового времени в соответствии с принципами течения механистов. Наиболее вероятно, что В. Ф. Асмусу было предложено выступить с разбором книги А. И. Варьяша. Но сделал он это с готовностью и искренне. Полемика В. Ф. Асмуса с А. И. Варьяшем проанализирована З. А. Каменским. Мы можем опираться на его выводы. В. Ф. Асмус высмеял попытки А. И. Варьяша вывести понятия и теории философии Нового времени из производственного процесса. Общественные потребности вызывают к жизни философские теории, писал В. Ф. Асмус, но они не определяют содержания самих теорий. В этом заключается невульгарное понимание материализма в историко-философской ра-

боте. Важно также учитывать воздействие идейной традиции, предшествующего теоретического материала на формирование философской идеи [Каменский, 2001, с. 139–142]. От себя же добавим, что такие позиции статьи 1919 г., как осуждение механистического подхода к общественной, культурной и философской жизни в качестве упрощенчества, как отрицательное отношение к прямому сведению духовных процессов к экономическим отношениям – в полной мере присутствуют в критике В. Ф. Асмуса, направленной против механистов вообще и А. И. Варьяша в частности.

Выступление В. Ф. Асмуса против А. И. Варьяша стало резонансным, а сам В. Ф. Асмус перешёл в ряды полноправных дебординцев. Вот как он сам писал об этом: «Летом 1927 г. я получил приглашение переехать в Москву для работы в качестве преподавателя в Институте красной профессуры. С переходом осенью 1927 г. в Москву, моя литературная работа стала более интересной» [РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 100. Д. 95904, л. 10]. Высшая степень доверия со стороны А. М. Деборина проявилась в том, что в ИКП В. Ф. Асмус был приглашён «в качестве руководителя семинара по Гегелю, а затем и лектора по истории философии» [Гулыга, 1984, с. 301]. Кроме ИКП и Философской секции Комакадемии А. М. Деборин предоставил В. Ф. Асмусу и возможность преподавать в МГУ [РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 100. Д. 95904, л. 4-об].

В. Ф. Асмус верно служил дебординской школе, выступал с её позиций. Но у него не могли сложиться личные отношения с большинством сторонников этой школы. Слишком велики были различия. Деборинцы представляли собой тот самый классический тип невеховских интеллигентов «ушедших в революцию». Вряд ли могло бы найтись взаимопонимание, скажем, со Я. Э. Стэнном, который сидел у белых в камере смертников, когда В. Ф. Асмус приветствовал вступление белой армии в Киев. Помимо добрых отношений с А. М. Дебориным, В. Ф. Асмус близко сошёлся только с одним диалектиком – с А. Я. Троицким. Но сближению способствовала скоротечная смертельная болезнь последнего, о которой было известно [Асмус, 1928, с. 198].

В философском плане статья вполне своим среди дебординцев В. Ф. Асмусу, как мы полагаем, мешало его отношение к Гегелю. Приверженность классическому логическому мышлению, ярко выраженные симпатии к Канту – это не то, что может помочь принять диалектическую логику. Весьма показательны отдельные высказывания

В. Ф. Асмуса о Гегеле, сохранённые аспирантами. На вопрос А. И. Уёмова В. Ф. Асмус ответил: «Гегеля понять вообще невозможно. Можно его прочитать и изложить. Можно написать книгу о нём, но не понять» [Валентин Фердинандович Асмус, 2010, с. 73]. В. А. Смирнову В. Ф. Асмус прямо сказал: «Не увлекайтесь Гегелем; объективно писать о Гегеле не только Вы, но, пожалуй, и Ваш сын ещё не сможет» [там же, с. 157].

Для дебординцев Гегель был высшим авторитетом. Опираясь на его Логику они надеялись выстроить методологию материалистической диалектики. Весьма показательны критические рецензии двух дебординцев, Г. К. Баммеля и Н. А. Карева на ту самую книгу В. Ф. Асмуса 1924 г. Высоко оценив в целом работу, проделанную автором книги, Г. К. Баммель, тем не менее, назвал книгу В. Ф. Асмуса примером «недиалектического подхода к истории диалектики» [Баммель, 1925, с. 440]. Суть замечания Г. К. Баммеля в том, что в книге способ изложения подменяет путь исследования, разделять которые научил Маркс в «Капитале». Логические переходы хороши, писал Г. К. Баммель, когда они предварительно фундированы всесторонним исследованием общественных условий развития мысли. Ещё жёстче высказался Н. А. Карев, который нашёл «устойчивость в нашем историке диалектики формально-логических предрассудков и всё ещё неустойчивость на нём его диалектической одежды» [Карев, 1925, с. 251]. Н. А. Карев точно уловил центральный пункт расхождений: весь строй мысли В. Ф. Асмуса противился тому, чтобы признать, что противоречия существуют не только в мышлении, но и в самих вещах. Диалектика, писал Н. А. Карев, требует признавать не только синтез различных признаков, но и синтез противоположностей, признавать отрицание не только как логический процесс, но как движущий момент действительных процессов, видеть в формальной логике момент диалектики постольку, поскольку она фиксирует относительное самосохранение предмета в его развитии. Н. А. Карев указал на ошибку, характерную для В. Ф. Асмуса, как мы видели, ещё со статьи 1919 г.: отождествление механического с материальным. В заключение Н. А. Карев поиронизировал над манерой изложения автора книги, сказав: он пишет местами очень неплохо, но только когда излагает мысли других, а не свои собственные. Кстати, эта оценка Н. А. Карева неожиданно перекликается с относительно недавними воспоминаниями А. И. Уёмова, которого, напротив, восхищала скру-

пулѐзная манера ответов В. Ф. Асмуса: «Бывало и так, что его собственное мнение оставалось неясным, но взамен мы получали представление о всей сложности проблемы» [Валентин Фердинандович Асмус, 2010, с. 74].

Несмотря на указанные трения, В. Ф. Асмус осознанно оставался среди диалектиков, хотя и вынужден был зачастую принимать то, что ему было не по душе. Прояснить истоки его позиции можно, обратившись к его выступлению на Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений в 1929 г. Он заявил, что считает механистов «течением достаточно сильным и опасным» [Современные проблемы, 1929, с. 172]. Борьба диалектиков против механистов, по Асмусу, составная часть «борьбы за поднятие уровня нашей философской культуры» [там же, с. 172]. Позитивизм механистов – есть лишь примитивная форма философской культуры, и надо стремиться к тому, чтобы преодолеть механистическую разьединѐнность познания.

В. Ф. Асмус принадлежал не к тем, кто проводит свои идеи вопреки обстоятельствам, а к тем, кто более или менее подстраивается под господствующие идеи. Подобный способ существования, вообще, типичен, и не должен удивлять тех, кто имел возможность наблюдать превращения, происходившие со многими нашими философами на рубеже 1980-х – 1990-х годов. Вместе с тем, у В. Ф. Асмуса был ряд идейных мотивов, которые он сохранял, умея сочетать их с господствовавшими мировоззрениями, сменявшими друг друга: здесь и приверженность развитию культуры как целостности, и неприятие механистического отношения к мышлению.

«Свои посещения, по-видимому, тщательно скрывает»

Наступил 1930 год. В философской жизни страны произошли серьезные изменения. Главное из них: разгром сталинистами деборинской школы и Института философии. Открытая форма борьбы продолжалась с апреля по октябрь 1930 г. В апреле же 1930 г. был арестован А. Ф. Лосев.

Вот что пишет А. А. Тахо-Годи в своей книге о А. Ф. Лосеве: «Не последнюю роль в аресте Лосева сыграл также Деборин. Лосев

прямо утверждал, что “вражда Деборина” к нему “как к философу” носила “личный характер”, хотя сам Лосев с Дебориным не был знаком... Лосев даже думал пойти к Деборину с попыткой помириться. Но ему отсоветовал, указав на “безнадёжность такой попытки”, философ Асмус, “человек, наиболее талантливый из деборинской группы”. Этот “молодой профессор-марксист” посещает Лосева, но свои посещения он “из опасения преследования, по-видимому, тщательно скрывает”. Асмус пришёл к Лосеву “по своей инициативе”. Он знаком с трудами Лосева и хотел с ним лично познакомиться. Асмус “полностью солидарен” с философскими взглядами Лосева, к религии “относится с уважением”. Возможно, что Асмус не один, но многие “боятся выявить своё отношение” к Лосеву, так как Деборин “за ними очень следит”» [Тахо-Годи, 2007, с. 137].

А. А. Тахо-Годи утверждает, что А. М. Деборин преследовал А. Ф. Лосева и был причастен к его аресту. Существует только одно выступление А. М. Деборина, где он говорил о А. Ф. Лосеве, мы скажем о нём ниже. Утверждения же, будто А. М. Деборин преследовал А. Ф. Лосева или «следил», кто его посещает, являются домыслами и основаны на незнании ситуации в советской философии 1920-х гг. А. М. Деборин боролся с механистами, философским течением, сторонники которого считали себя марксистами, но придерживались позитивистских взглядов. Если А. М. Деборин полагал необходимым выступить против какого-то философа персонально, он это делал, как например, когда он раскритиковал за нигилистическое отношение к Канту близкого к механистам И. А. Боричевского. Механисты же постоянно заявляли: Деборин и деборинцы – не марксисты и не материалисты, они идеалисты (отсюда потом Сталин и заимствует термин «меньшевиствующий идеализм»), ведь они борются с нами, с материалистами, а против настоящих идеалистов никакой борьбы не ведут. Каждый раз после этих обвинений механисты приводили в пример А. Ф. Лосева, с которым А. М. Деборин и деборинцы не ведут борьбу. Обвинение это стало ходячим штампом, и А. М. Деборин был вынужден на него отреагировать во вступлении к своему докладу на самом представительном философском форуме тех лет – на философском заседании Второй Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений в апреле 1929 г. Никакой идеологической ругани его пассаж о А. Ф. Лосеве не содержал.

Приведа ряд цитат из книг А. Ф. Лосева, А. М. Деборин на основании процитированных высказываний подверг А. Ф. Лосева критике наряду с Гегелем, своим любимым философом: ни тот ни другой не способны последовательно провести диалектический метод, поскольку допускают существование божественного абсолюта и, следовательно, метафизически ограничивают развитие мироздания. Понятно, что это высказывание не удовлетворило механистов. Выступая в прениях, А. И. Варьяш заявил: «Против “механистов” (т. е. против нас) направлено 95 процентов всего, что пишется по философским вопросам деборинцами. А против идеалистов ничего не пишется. Тов. Деборин сам указал как на очередную задачу, что нужно выступить против Лосева и т. п. Но где вы выступали против них?»

Деборин: На страницах “Летописи марксизма”. (Имелась в виду анонимная рецензия на книгу А. Ф. Лосева «Античный космос и современная наука» в пятом выпуске журнала «Летописи марксизма» за 1928 г.).

Варьяш: О Лосеве – ничего» [Современные проблемы, 1929, с. 96].

И действительно, в подготовленной А. М. Дебориным резолюции конференции пункт о борьбе с зарубежными идеалистами был расшифрован по персоналиям, а в пункте о борьбе с идеалистами «у нас» никто по фамилии назван не был [там же, с. 197]. А. И. Варьяш не стал ждать, когда деборинцы примутся за А. Ф. Лосева. 19 марта 1930 г. на заседании Секции естествознания Комакадемии он сделал доклад «О философии Лосева». В этой секции позиции механистов были сильны. Они выступали в прениях, поддерживали А. И. Варьяша [АРАН, Ф. 351. Оп. 2. Д. 22].

Случилось так, что спустя месяц после этого А. М. Деборин и его сторонники не только утратили господствующие позиции в советской философии, но и превратились в объект постоянной ожесточённой систематической травли на собраниях и в партийной печати. 20–24 апреля 1930 г. на совместном заседании партийных фракций Института философии Комакадемии и Московской организации Всесоюзного общества воинствующих материалистов-диалектиков М. Б. Митин и его компания опираясь на поддержку ЦК ВКП(б) выдвинули против деборинцев идеологические обвинения. События развивались стремительно. Но понимания полного краха в эти месяцы у деборинцев ещё не наступило. Утопающий хватается за со-

ломинку. Чтобы отвести от себя обвинения в идеализме, дебординцы провели 21 мая 1930 г. заседание Института философии, где Х. И. Гарбер выступил с докладом «Критика современной поповщины (Лосев)» [Гарбер, 1930 а]. Забегая вперёд, скажем, что осуждение А. Ф. Лосева дебординцам не помогло. Всё было уже предрешено.

Современные исследователи творчества А. Ф. Лосева даже перепечатали подборку фрагментов этого доклада [Гарбер, 2007]. Следовало бы перепечатать целиком. Тогда труднее было бы спустя столько лет унижать и демонизировать фигуру Х. И. Гарбера. Он заслуживает уважения как один из пионеров философии техники в СССР и памяти как жертва сталинских репрессий. Кстати, могу сообщить специалистам по творчеству А. Ф. Лосева, что им осталась неизвестной ещё одна статья Х. И. Гарбера, где речь идёт о А. Ф. Лосеве [См.: Гарбер, 1930 б].

Заседание 21 мая 1930 г. прошло очень слабо. Х. И. Гарбер сетовал на то, что почти никого не удалось привлечь. Обычно на таких заседаниях записывалось в прения свыше десятка ораторов, иногда обсуждение доклада приходилось переносить на другой день. На сей раз кроме самого Х. И. Гарбера только один сотрудник Института философии сделал большое, развёрнутое выступление, фактически содоклад. Коротко выступили также А. М. Деборин и Г. Ф. Дмитриев, но говорили они не о А. Ф. Лосеве, а препирались между собой на тему: как понимать предмет философии. Доклад Х. И. Гарбера известен читателям, он вскоре же был опубликован. А вот содоклад мы можем прочитать, благодаря сохранившейся в архиве стенограмме этого заседания. Выступил с ним В. Ф. Асмус. Как мы видели, он мог легко уклониться от участия в заседании, тем более от выступления об арестованном человеке, к которому месяц назад бегал тайком. Но он этого делать не стал.

Приведём выдержки из выступления В. Ф. Асмуса: «Лосев, несомненно, воспитанник той группы реакционной буржуазной интеллигенции, которая впервые идейно сорганизовалась в знаменитом сборнике “Вехи”. Мы знаем, что в этом сборнике писали такие авторы, как Бердяев, Булгаков и т.д. В своё время Ленин отметил в своих работах яркую реакционную сущность этой группы... Учение Лосева представляет собой совершенно закономерный, я бы сказал, последний логический предел, до которого дошли мыслители этого толка» [АРАН, Ф. 355. Оп. 2. Д. 101, л. 14]. «Внутреннее религиоз-

ное сознание в патологическом состоянии, которое при особенном культивировании религиозной жизни, нагнетаясь с каждым днём, всё больше углубляется – вот что характерно для этого типа мышления...». Этот «квиеизм может переливаться в известную струю активности, и тогда эти мыслители становятся воинствующими проповедниками реакционных воззрений» [там же, л. 15]. У Лосева «совершенно очевидно, что созерцательность, мистическое визионерство постоянно чередуется с воинствующими выступлениями на идеологическом фронте... Лосеву принадлежит определённое место в той борьбе, которую современная буржуазная мысль не только в СССР, но и на Западе, ведёт» [там же, л. 15-об.]. «Я хотел бы коснуться общественной стороны выступлений Лосева. Лосев не только издал каким-то путём семь более или мене толстых книг, но он всем своим поведением показывает, что он желает принимать определённое участие, по крайней мере, иметь определённое место в современной интеллектуальной жизни. От работников ГИЗа вы можете слышать, что Лосев обращается в ГИЗ с предложением издать собственные работы, от сотрудников Института философии вы можете слышать, что он обращается в Институт с предложением делать переводы различных авторов. Мы не можем стоять на той точке зрения, что существуют спецы по философии, которым можно предоставлять определённое место и работу разве только потому, что они обладают накопленными ими специальными сведениями. Если в настоящее время мы не можем допускать такого порядка, чтобы на производстве инженер выступал только как спец, если мы требуем от каждого работника, чтобы он вместе с нами работал, чтобы он понимал наши перспективы работы и борьбы за коммунизм, то по отношению к выступлениям, произведениям Лосева мы должны сказать, что их сущность делает невозможным какое бы то ни было... [два слова нрзб] идеологических и научных способов у Лосева» [там же, л. 16–16-об.].

По счастью, мы избавлены от необходимости делать выводы по этому сюжету, так как можем просто повторить то, что написано А. А. Тахо-Годи о заседании 21 мая 1930 г. Во-первых, она подчеркнула, то обстоятельство, что заседание проводилось спустя месяц после ареста А. Ф. Лосева [Алексей Федорович Лосев, 2007, с. 724]. Во вторых, справедлив её вывод, что заочная проработка арестованного философа в Институте философии повлияла на суровость приговора

[там же, с. 15]. В ситуации отсутствия объективной вины приговор мог колебаться в диапазоне от оправдания до расстрела. Следователи прислушивались к тому, какова тональность обсуждения личности заключённого на собраниях и в печати. Это правда, и тому было много примеров, что даже формула обвинения пересматривалась в зависимости от того, какие идеологические квалификации «проступков» человека давали его бывшие коллеги.

«...И то, как в телескоп, свет видишь в отдаленье»

Наступили годы «большого террора» и Московских процессов. Август 1936 года. Только что закончился первый Московский процесс, по которому расстреляли Зиновьева и Каменева. Вместе с ними были расстреляны и два философа: первый главный редактор журнала «Под знаменем марксизма» В. А. Тер-Ваганян и автор книги о Демокрите Р. В. Пикель. В разгаре массовая истерия собраний, на которых осуждают врагов народа. В кажущемся хаосе, тем не менее, существовали чётко прописанные типажные модели, каноны поведения.

Один вариант – если ты «партийный». В этом случае ты обязан выступать на собраниях и приветствовать уничтожение «врагов народа». Но если ты будешь только одобрять действия других, ты вскоре попадёшь под подозрение. Нет! Продолжение выступления должно быть выполнено в жанре публичного доноса. Ты должен разоблачить кого-нибудь сам. Разоблачить и публично заклеить как врага народа. Не абстрактного врага, взятого со страниц газеты «Правда», а твоего коллегу. Проверка делом, повязание кровью, гарантирует тебе свидетельство о благонадёжности. Нравственные издержки такого поведения искупаются высокой должностью, общественным признанием, другими благами жизни. Подобные поступки ценились наверху и подавались прочим в качестве примеров правильного поведения.

Другой общественный статус – другие требования и модель поведения. От беспартийного специалиста никто не станет требовать публичных выступлений и кровавого причастия, но за это он должен от многого отказаться. Если это учёный, гуманитарий, он должен пойти на 1) отказ от публикаций, 2) отказ от всяких форм общественного признания. Прекрасным примером подобной линии по-

ведения может служить жизнь Б. А. Фохта. Он безупречно соблюдал вот этот канон социального поведения в том обществе. Он преподавал латынь и логику в ИКП и пединституте, печатал только свои переводы классиков философии и нигде не выступал. Поэтому в том же деле Лосева он мог, в отличие от многих боявшихся коллег, спокойно, с достоинством говорить следователю, что не знает за подследственным никакой вины. Соблюдал правила игры и социум. Все знали, что Б. А. Фохт неокантианец, но он при этом считался советским философом. После смерти он был похоронен на Новодевичьем кладбище, и статья о нём была включена в «Философскую энциклопедию».

Но может быть промежуточный вариант, когда хочется иметь и жизненные блага, связанные с одной моделью поведения, и репутацию, которая может вытекать только из совсем другого образа существования.

31 августа 1936 г. в редакции журнала «Знамя» состоялось собрание актива советских писателей. С докладом «Процесс троцкистского центра» выступил известный сталинский трубадур Всеволод Вишневский. Да простит меня читатель, но всерьёз пересказывать тот доклад нет никакой возможности. Он был выдержан в классической пропагандистской манере сталинских времён, когда нагнетается ужас и лепится миф о вцепившейся в советскую страну зубами гидре, головы которой: белогвардейщина, троцкизм, фашизм и сионизм. При этом Всеволод Вишневский, как полагается, исправно перечислял в своём докладе «вредителей» и «врагов народа» «пробравшихся» в писательскую среду.

На собрании присутствовал цвет тогдашней литературы и журналистики: Новиков-Прибой, Соболев, Долматовский, Луговской, Шкловский, Вирта, Хацревин, Тарасенков и другие. Многие из них выступали. Выступления были соответствующие ситуации. Вирта рассказывал о своём новом романе: «Я сегодня писал о троцкистах и даже не знаю, стоит ли употреблять по отношению к ним слово “люди”. Это не люди, а просто какие-то двуногие» [РГАЛИ, Ф. 631. Оп. 16. Д. 51, л. 30].

Хотя профессор МИФЛИ В.Ф. Асмус уже год как состоял членом Союза советских писателей, никто бы не заметил его отсутствия на этом собрании. Но он не только пришёл, но и выступил. Приведём выдержки из стенограммы.

Начал он с того, что в свете недавних событий «надо всемерно повысить свою бдительность», потому «что враг направляется на такие участки идеологической работы, как философия, история, литература, критика. Часть из людей, осуждённых по процессу и разоблачённых, состояла когда-то в рядах философов... Это ни в коей степени не может быть случайно... Эти участки идейной борьбы являются наиболее тонкими и сложными. И вот этим искусно пользуется враг, ибо часто эта тонкость и сложность теоретических вопросов истории, философии, искусства, литературы создают возможность с большей безнаказанностью использовать целый ряд моментов для подрывной контрреволюционной работы. Это объясняется ещё и тем, что в этой области, очевидно, было понижение бдительности» [там же, л. 45]. «И, наконец, в этой области – т. Вишневецкий об этом сегодня прекрасно говорил – мы можем найти ряд людей, которые вошли в нашу советскую жизнь из буржуазного мира, мира дореволюционного, людей, которые работают с нами, но до конца не идут и среди которых враг ведёт свою работу. Вот если с этой точки зрения подойти к вопросу и вспомнить, что сделала партия в отношении старой интеллигенции, то нужно сказать, что с этими людьми возились чрезвычайно много. С самого начала этим людям была предоставлена возможность работать с нами» [там же, л. 46].

Далее В. Ф. Асмус по всем правилам жанра приводит пример подрывной деятельности, разоблачённой им лично. Работая летом того года над теоретическими источниками философии и эстетики русского символизма, «я раскрыл псевдонимы, под которыми Андрей Белый в журнале “Весы” выступал с острополитическими статьями, направленными против революции... Я открыл статью, в которой Андрей Белый с большой резкостью и остротой выступает в защиту “Вех” и против тех публицистов, которые обрушились на этот сборник контрреволюционной буржуазной интеллигенции... На страницах этого же журнала под псевдонимом Аврели была помещена статья против Ленина по вопросу о свободе печати. По отдельным признакам, по точному совпадению формулировок, имеющих в других статьях, подписанных Бугаевым или Андреем Белым, можно судить о том, что за этим псевдонимом скрывался Андрей Белый. Вот, значит, с каким багажом эти люди вошли в революцию» [там же, л. 47]. «Любопытно, что в своих мемуарах Андрей Белый даже

не заикнулся об этих своих произведениях... По-поводу этих статей он хранил молчание, очевидно не считая возможным оправдать эти свои позиции. И вот, товарищи, разве мало среди нас людей, которые уходят в ячейку своего индивидуального “я”, которые хранят и копят в себе бережно груз своих воззрений... И разве не может рассчитывать враг на то, что посредством этих людей он будет расширять круг единиц, посредством которых он думает проводить свою подрывную работу» [там же, л. 48].

В. Ф. Асмус привёл в своём выступлении фамилию уже умершего человека. Но сталинский режим наловчился превращать во врагов народа и мертвецов, даже тех, чей прах покоился в Кремлёвской стене, вроде академика М. Н. Покровского и командарма С. С. Каменева. Репрессии же обычно распространялись на членов семьи. Было понятие ЧСИР: «член семьи изменника родины». Был лагерь АЛЖИР: Акмолинский лагерь жён изменников родины. Обычной была практика назначения этим жёнам восьми лет тюремного заключения. Андрей Белый умер, но была жива его вдова К. Н. Бугаева, которая в 1931 г. уже арестовывалась ОГПУ за участие в антропософском движении. Её полшага отделяло от нового ареста.

Выступление В. Ф. Асмуса достигло цели: его услышали и одобрили. В заключительном слове Всеволод Вишневский сказал: «Тов. Асмус сделал интересное открытие о работе Андрея Белого. Вот Вам конкретное предложение: дайте сейчас же, в течение трёх-пяти дней, большую статью в “Литературную газету”. Это Ваш долг, долг писателя. Это прольёт свет на целую область литературной жизни. И хотя раньше говорили, что о мёртвых нужно говорить либо хорошо, либо ничего, но у нас установка совершенно другая. Я убеждён, что наш товарищ и соратник т. Асмус об этом напишет и выступит перед всей советской общественностью» [там же, л. 92].

В 1937 г. В. Ф. Асмус опубликовал статью «Философия и эстетика русского символизма», в которой ставил задачу «раскрыть политический смысл философии культуры символизма» [Асмус, 1937, с. 4]. Он писал о том, что «линия “весовской” публицистики отчасти совпадает с линией “Вех”, отчасти же прямо таки опережает “Вехи”» [там же, с. 6]. В. Ф. Асмус нашёл у русских символистов «гаденькую контрреволюционную клевету» [там же, с. 7] и даже «прообразы современных фашистских идей» [там же, с. 6]. Но, письменный текст

был, конечно, значительно более обтекаемым, чем цитировавшееся выступление на собрании актива журнала «Знамя».

В газетном отчёте о собрании выступление В. Ф. Асмуса было отмечено [Омский, 1936]. Всеволод Вишневский похвалил В. Ф. Асмуса и в печати: «Литературовед т. Асмус на активе журнала “Знамя” сделал сообщение о том, что им открыт ряд неизвестных работ Андрея Белого, подписанных различными псевдонимами. Эти работы носят характер чистойшей контрреволюционной полемики» [Вишневский, 1936]. Всеволод Вишневский высоко оценил инициативу В. Ф. Асмуса, который теперь стал вполне проверенным человеком. Кого попола, ведь, не позовут читать лекцию членам правительства.

Всеволод Вишневский до конца жизни считал В. Ф. Асмуса человеком благонадёжным и «соратником». В 1947 г. он обратился к В. Ф. Асмусу с творческим предложением: разработать тему об отношении еврея Маркса и немца Энгельса к России: как они русский народ сначала ненавидели, а потом полюбили. Большая тема для сталинистов. Закончить документальное повествование надо было тем, что «родился на коренных русских землях, на Волге – Ленин». «Беритесь за эту работу! Пишите...», – призывал Всеволод Вишневский В. Ф. Асмуса [РГАЛИ, Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2260, л. 1-об.]. Но писатель вскоре тяжело заболел, а философ уклонился от выполнения политически опасного задания.

Заключение

Вывод из всей этой истории можно сделать такой. Хотелось регулярно публиковаться, хотелось иметь телескоп, полученный при содействии Молотова, хотелось слыть человеком, о котором сам вождь вспомнил и призвал подучить своих сатрапов логике, хотелось быть лауреатом Сталинской премии. Скорее всего, наш герой все эти знаки общественного признания рассматривал в качестве оберегов для себя и своей семьи. Это его действительно беспокоило. А что будет с теми, чьи имена придётся попутно назвать – нет. Ругать «буржуазный идеализм» в статьях и книгах – это одно, а скармливать коллег Левиафану, чтобы гарантировать собственное благополучие – совсем другое.

На протяжении настоящей статьи мы строго следовали литературным и архивным источникам, иногда комментируя их, но, не откло-

няясь далеко от документального материала в сферу оценок и домыслов. Напоследок хотелось бы высказать всего лишь одно оценочное суждение. Ведь когда вплотную занимаешься каким-то персонажем, поневоле складывается своё мнение о нём. Известно, что Б. Л. Пастернак и В. Ф. Асмус дружили. Поэт подарил другу свой перевод «Фауста», надписав, что дарит её «человеку фаустовского мира, призвания и фаустовской складки» [Валентин Фердинандович Асмус, 2010, с. 9]. Мне представляется, что поэт ошибся в оценке своего друга. Тот был выразителем не фаустовского, а вагнеровского начала. Если исходить из этого, многие факты прошлого легко поддадутся объяснению.

Список литературы

1. Алексей Федорович Лосев, 2007 – Алексей Федорович Лосев: Из творческого наследия; Современники о мыслителе. М.: Русский мир, 2007. 776 с.
2. АРАН, Ф. 351. Оп. 2. Д. 22 – Архив РАН. Ф. 351. Оп. 2. Д. 22.
3. АРАН, Ф. 355. Оп. 1а. Д. 1 – Архив РАН. Ф. 355. Оп. 1а. Д. 1.
4. АРАН, Ф. 355. Оп. 2. Д. 101 – Архив РАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 101.
5. Асмус, 1926 – (Без автора) Рец. на кн.: Асмус В.Ф. Диалектический материализм и логика. Киев: Сораккооп, 1924. 225 с. // Летописи марксизма. 1926. № 1. С. 98–100.
6. Асмус, 1928 – Асмус В.Ф. Памяти А.Я. Троицкого // Под знаменем марксизма. 1928. № 4. С. 195–198.
7. Асмус, 1937 – Асмус В.Ф. Философия и эстетика русского символизма // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 27–28. С. 1–53.
8. Баммель, 1925 – Баммель Г.К. Рец. на кн.: Асмус В.Ф. Диалектический материализм и логика. Киев: Сораккооп, 1924. 225 с. // Печать и революция. 1925. № 5–6. С. 439–331.
9. Брежнев, 1983 – Брежнев Л.И. Воспоминания. М.: Политиздат, 1983. 320 с.
10. Валентин Фердинандович Асмус, 2010 – Валентин Фердинандович Асмус / Под ред. В.А. Жучкова и И.И. Блауберг. М.: РОССПЭН, 2010. 480 с.
11. Вишневский, 1936 – Вишневский В.В. Наши дела // Литературная газета. 1936. 5 сентября.
12. Гарбер, 1930а – Гарбер Х.И. Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева // Вестник Коммунистической академии. 1930. № 37–38. С. 124–144.
13. Гарбер, 1930б – Гарбер Х.И. Современный русский идеализм // Бюллетень заочно-консультационного отделения Института красной профессуры. 1930. № 5–6. С. 57–74.
14. Гарбер, 2007 – Гарбер Х.И. Против воинствующего мистицизма А.Ф. Лосева // Алексей Федорович Лосев: Из творческого наследия; Современники о мыслителе. М.: Русский мир, 2007. С. 545–546.
15. Гулыга, 1984 – Гулыга А.В. Валентин Фердинандович Асмус // Асмус В.Ф. Историко-философские этюды. М.: Мысль, 1984. С. 301–304.

16. Карев, 1925 – Карев Н. А. Рец. на кн.: Асмус В. Ф. Диалектический материализм и логика. Киев: Сорабкооп, 1924. 225 с. // Под знаменем марксизма. 1925. № 3. С. 247–252.
17. Каменский, 2001 – Каменский З. А. История философии как наука в России XIX-XX вв. М.: Эслан, 2011. 332 с.
18. Короленко, 1976 – Короленко В. Г. История моего современника. Т. 1–2. Л.: Художественная литература, 1976. 552 с.
19. Мартыненко, 1985 – Мартыненко Г. А. Комкор Дмитрий Жлоба. М.: Воениздат, 1985. 176 с.
20. Омский, 1936 – Омский В. В редакции журнала «Знамя» // Литературная газета. 1936. 5 сентября.
21. РГАЛИ, Ф. 631. Оп. 16. Д. 51 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 16. Д. 51.
22. РГАЛИ, Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2260 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2260.
23. РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 100. Д. 95904 – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 95904.
24. Современные проблемы, 1929 – Современные проблемы философии марксизма. М.: Издательство Коммунистической академии, 1929. 200 с.
25. Тахо-Годи, 2007 – Тахо-Годи А. А. Лосев. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Молодая гвардия, 2007. 532 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
«Жизнь по заводскому гудку».....	5
«Скорбное учение» «меньшевиствующего идеализма».....	11
«Свои посещения, по-видимому, тщательно скрывает».....	18
«...И то, как в телескоп, свет видишь в отдаленье».....	23
Заключение.....	27
Список литературы.....	29

С. Н. Корсаков

В. Ф. АСМУС: КОРРЕКТИВЫ К ОБРАЗУ

Издательство «СФК-офис»
г. Тверь, ул. Вольного Новгорода, 5
тел. (4822) 358-331, 347-247

Компьютерная верстка – Н. Е. Красикова

Объем 2 п. л. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Подписано в печать 13.11.2017. Тираж 50 экз.